

Кто вы?

Когда сиделка вернулась, то увидела какого-то врача, сидящего рядом с Хань Нином. Толком не разобравшись, кто это, она торопливо принялась оправдываться:

— Я отлучалась помочь сходить в туалет старику из соседней палаты. Ой? Вы уже покормили его?

В больницах такое случалось сплошь и рядом: некоторые пациенты не хотели нанимать сиделку на целый день, а платили лишь частично, подрабатывая так, чтобы сиделка заглядывала помочь в дневное время.

Су Юньци ничего не ответил:

— Я пойду.

Он пришел и ушел без всякой видимой причины, да и толком ничего не сделал. Сиделка растерянно моргнула:

— Ой, ладно, идите осторожно.

С этого дня Су Юньци стал часто навещать Хань Нина. Он изучил расписание сиделки: в обеденное время та неизменно куда-то отлучалась. Иногда он сам кормил Хань Нина перед уходом, а порой ждал, пока та вернется, чтобы покормить вместе. Каждый раз, заставая Хань Нина голодным, Су Юньци просто брал всё в свои руки.

Вскоре сиделка заметила, что Су Юньци и этот больной — едва ли простые врач и пациент, скорее друзья, а то и вовсе какие-нибудь родственники, и постепенно начала лениться, всякий раз оставляя всё на Су Юньци.

Су Юньци не возражал: покормив больного и посидев с ним еще немного, он как раз успевал в столовую к обеду. Сунь Чжао несколько раз расспрашивал его, но в ответ получал лишь отговорки, поэтому перестал допытываться и просто сдвинул время собственного обеда так, чтобы есть вместе с Су Юньци.

Теперь Хань Нином, словно большой куклой, неподвижно лежащей на постели, можно было только любоваться, молча наблюдая, как день за днем глаза Су Юньци наполняются всё большим осмысленным блеском. Со стороны казалось, будто неведомая, необъяснимая сила вдохнула жизнь в это манекенное тело.

По крайней мере, Су Юньци так казалось. Ему нравилось встречаться взглядом с таким Хань Нином, поэтому он отчетливо замечал любые перемены. Стоило ему заглянуть в этот почти первозданно чистый взгляд, как на душе становилось тихо и спокойно, а всякое раздражение улетучивалось.

Ему даже было чуточку любопытно: о чем думает Хань Нине, если вообще способен сейчас мыслить?

— Хань Нин, о чем ты думаешь? — Су Юньци закончил кормить, отложил контейнер с едой в сторону и салфеткой аккуратно вытер рот Хань Нину. — У тебя есть какие-то мысли в голове?

Губы Хань Нина шевельнулись пару раз, будто он всё еще жевал, но движения оставались такими же заторможенными.

Су Юньци терпеливо ждал.

— ...Я... я... я... — Хань Нин медленно повторял этот единственный слог. Из-за неестественной растянутости звуков голос совершенно перестал походить на его собственный, выдавая в говорящем круглого дурака.

Су Юньци изумился: он никак не ожидал, что Хань Нин вообще способен говорить. Но прождав добрую половину дня и не дождавшись от него больше ни слова, он покачал головой и горько усмехнулся над собой — и на что он только надеялся?

Однако в этот момент Хань Нин произнес:

— Не то.

— Не то? — опешил Су Юньци. Подняв голову, он переспросил: — Что именно не то?

Хань Нин смотрел на него с таким сосредоточенным вниманием, будто у него заплетался язык, и снова повторил:

— Не то.

Всего лишь отрицательная частица, вырванная из контекста, без начала и конца — понять смысл было решительно невозможно. Су Юньци еще долго крутил эту фразу в голове, пытаясь докопаться до сути, но, разумеется, безрезультатно.

— Что ты в конце концов хочешь сказать? — Су Юньци машинально вывел на бумаге слово не то, а затем перечеркнул его жирной чертой.

Сунь Чжао, который уже добрую половину вечности наблюдал за ним, подпер щеку рукой и вклинился в разговор:

— М? Я хочу сказать, ты сегодня вечером свободен?

— Забыл, что у тебя сегодня дежурство? — Су Юньци даже не поднял головы, перевернув

страницу, чтобы продолжить чтение отчета. — Во время дежурства удели побольше внимания пациенту на двадцать седьмой койке.

— Понял-понял. Буду заглядывать туда почаще, — Сунь Чжао уныло ссутулил плечи, затем скрестил руки на груди, оперся о стол и уставился на Су Юньци: — Доктор Су, а как ты обычно проводишь вечера? Куда-нибудь ходишь развеяться?

Сунь Чжао уже давно не проявлял по отношению к Су Юньци прежней вежливости и сдержанности. Он сам по себе был человеком легким на подъем, а после того как они почти полгода проработали бок о бок, их общение стало куда более непринужденным и близким, и Сунь Чжао больше не боялся лишний раз задеть Су Юньци.

Тот небрежно бросил в ответ:

— Предпочитаю сидеть дома.

Сунь Чжао усмехнулся:

— Не ожидал, что ты такой домосед.

Впрочем, если подумать, это было логично. Ему казалось, что Су Юньци с его вечно серьезным лицом выглядел бы крайне нелепо где-нибудь в баре. С другой стороны, в подобных злачных местах такой писанный красавец с наглухо закрытой аурой монаха-аскета наверняка привлек бы к себе уйму внимания.

Су Юньци понятия не имел, о чем думает Сунь Чжао, и лишь равнодушно ответил:

— Разве на работе мы не устаем? Если есть возможность отдохнуть дома, зачем куда-то тащиться и мотать себе нервы?

— Да нет же, именно из-за рабочего стресса и нужно искать повод выпустить пар, — Сунь Чжао лукаво подмигнул и рассмеялся. — В следующий раз я возьму тебя с собой, сидеть сиднем дома — такое упущение.

Не испытывая ни малейшего интереса к этому предложению, Су Юньци дочитал последнюю строчку и захлопнул блокнот:

— Энергии у тебя хоть отбавляй. Я пошел домой, до завтра.

Су Юньци сел в машину и сразу поехал домой.

Точно так же, как он и сказал Сунь Чжао, по вечерам после смены он неизменно возвращался домой, лишь изредка перекусывая где-нибудь в городе. Ужин, дом, немного новостей по телевизору, а перед сном — либо какая-нибудь профессиональная литература, либо рабочие дела.

Простая, до тошноты однообразная жизнь.

Он эмигрировал вместе с родителями сразу после окончания начальной школы, разорвав все связи с прежними одноклассниками и друзьями. Получив степень магистра в Вашингтоне, он вернулся в Китай. Семья осталась за тысячи миль отсюда: они поддерживали его стремление заниматься любимым делом, но физически находиться рядом не могли.

Единственным близким человеком здесь, в Китае, для Су Юньци оставался Шэнь Хао — его сокурсник по университету, вместе с которым они вернулись на родину. Су Юньци целенаправленно не расширял круг знакомств: поначалу из-за нехватки времени и сложностей с адаптацией, а потом это вошло в привычку. Впрочем, на качестве жизни это никак не сказывалось, так что плыл по течению.

Су Юньци вовсе не считал такую жизнь плохой — по крайней мере, она была простой и не требовала лишних душевных затрат. Но, пожалуй, именно поэтому его некогда так очаровал Хань Нин.

Тогда ему казалось, что это любовь. Он влюбился в человека, чей характер был полнейшей противоположностью его собственному, словно они идеально дополняли друг друга. Но реальность оказалась вовсе не столь прекрасной, как представлялось Су Юньци. Их вкусы практически не пересекались, и вместо того чтобы просто общаться, Хань Нин предпочитал затаскивать его в постель. Жизнь вдвоем требовала единого расписания, но один из них был хирургом, которого в любой момент могли вызвать на операцию, а второй — моделью с плавающим графиком. Пытаясь подстроиться под Хань Нина, Су Юньци выбивался из сил.

Святая для Су Юньци верность в словаре Хань Нина просто не существовала. Когда выяснилось, что Хань Нин изменяет ему да вдобавок тянет его на троих, Су Юньци наконец не выдержал и порвал с ним.

Он повел себя хладнокровно, без истерик и скандалов. К счастью, Хань Нин тоже принадлежал к числу тех, кто никого не удерживал: они мирно разошлись и распрощались каждый сам по себе.

В момент расставания Су Юньци даже почувствовал облегчение: встречаться с таким непутевым типом — куда проще оставаться одному и жить в свое удовольствие.

Вспомнив то время, Су Юньци тяжело вздохнул. Досмотрев новости по центральному каналу, он откупорил бутылку красного вина, налил себе бокал, но, вспомнив брошенную Хань Нином фразу про не то, окончательно потерял всякое желание читать, принял душ и лег спать.

На следующий день, навестив Хань Нина, Су Юньци с изумлением обнаружил его стоящим у кровати — У Дэсянь поддерживал его под руку.

В палате находилась и дежурная медсестра. Заметив Су Юньци, она окликнула его:

— Доктор Су!

Не веря своим глазам, Су Юньци недоверчиво спросил:

— Он что, может стоять?

Хань Нин, замерший подобно часовому, повернулся к нему, и на мгновение Су Юньци даже показалось, что тот полностью исцелился.

— Да, сиделка говорит, он сам поднялся, но стоять начал без движения, — только она это произнесла, как Хань Нин сделал шаг вперед в сторону Су Юньци, словно собираясь подойти, но из-за неловкого движения запнулся о собственную ногу и рухнул вперед.

Су Юньци среагировал молниеносно: в один шаг оказавшись рядом, он подхватил падающего и в следующее мгновение уже почти полуобнимал Хань Нина. У Дэсянь бросился на помощь. На мгновение задумавшись, он задумчиво окинул взглядом Хань Нина и спросил Су Юньци:

— Тебе не кажется, что он словно учится управлять собственным телом?

Такая точка зрения прозвучала свежо, и Су Юньци на секунду замер.

Словно найдя верную нить рассуждений, У Дэсянь принялся воодушевленно объяснять:

— Смотри: когда он только очнулся, сознание у него вроде бы было, но сам он оставался неподвижным. Позже появилась пассивная реакция на еду, речь, а теперь он даже может стоять, пусть пока и неуверенно.

Хань Нина тем временем усадили на постель. Он поднял глаза на обоих врачей, и на его лице — то ли от заторможенности мимики, то ли от изначального отсутствия эмоций — застыло крайне суровое, каменное выражение.

Не дожидаясь ответа от Су Юньци, У Дэсянь кивнул:

— Придется понаблюдать еще какое-то время.

Словно подтверждая догадки У Дэсяня, в последующие дни Хань Нин пошел на поправку еще быстрее. Его движения стали гораздо более плавными, он больше не напоминал сломанного робота и теперь мог есть самостоятельно, без посторонней помощи — правда, с заметной неловкостью, расплескивая немало еды.

Узнав от Су Юньци, что Хань Нин заговорил, У Дэсянь попытался наладить с ним контакт. В конце концов, пусть даже речь пока оставалась невнятной, способность выражать свои мысли была крайне важна для лечения.

— Как самочувствие? — поинтересовался У Дэсянь.

Хань Нин промолчал.

Сообразив, что подобный вопрос требует слишком сложного набора определений, и осознав, какое испытание это представляет для нынешнего состояния Хань Нина, У Дэсянь перефразировал:

— Что-то болит? Где-то чувствуешь дискомфорт?

Хань Нин по-прежнему оставил его вопрос без внимания.

Поправился — и тут же перестал идти на контакт. У Дэсяня прямо-таки переполняло возмущение: он впервые сталкивался с подобным пациентом. При такой нехватке сотрудничества с больным врачам приходилось туго.

— Ты же его друг, вот и уговори его, — пожаловался он Су Юньци.

Как только У Дэсянь ушел, Сунь Чжао с недовольным видом пробормотал:

— Почему его пациенты вечно прибегают обсуждать всё с тобой?

— Пациент есть пациент, чьим бы он ни был. Мы — врачи, — ответил Су Юньци. Подумав немного, он вышел из ординаторской, догнал У Дэсяня, расспросил о последних изменениях в состоянии Хань Нина и направился в его палату.

Хань Нин снова стоял на ногах — на сей раз без чьей-либо поддержки. Сиделка, видимо, решив, что в постоянной опеке он больше не нуждается, ушла в другую палату. Раз уж родственники не дежурили здесь круглые сутки, сиделка тоже перестала утруждать себя лишним вниманием к пациенту.

— Сколько ты уже так стоишь? — Су Юньци подошел ближе, взял его за руку и помог опуститься на стул. — Тебе пока нельзя подолгу стоять.

Хань Нин послушно последовал его движению и сел на кровать, выпрямив спину.

— Где-нибудь чувствуешь дискомфорт? — спросил Су Юньци.

Хань Нин помолчал немного, глядя на него, а затем ответил:

— Нет.

Разве это не пример для подражания в плане сотрудничества с врачом?

— Раны заживают довольно быстро, — Су Юньци бегло осмотрел швы и заметил, как Хань Нин делает неуверенное, избегающее движение. — Рана болит?

— Нет, — отозвался Хань Нин.

Су Юньци понял, что этот парень теперь и впрямь пришел в себя окончательно. Однако взгляд Хань Нина оставался таким же, как в те дни, когда он был овощем — лишь сделался еще более глубоким и отрешенным.

Он все еще ломал голову над тем, как человек, получивший удар ножом и пролежавший месяц без движения, мог так кардинально измениться всего за пару недель?

Но Хань Нин вдруг сам заговорил первым:

— Кто вы?

<http://bllate.org/book/24670/2904607>